

Елизавета ЕМЕЛЬЯНОВА-СЕНЧИНА. КОБАЛЬТ

М.: «Художественная литература», 2016

Многие из нас довольно часто принципиально неправильно читают новые сборники стихов, взяв впервые их в руки. Мы открываем книгу посередине, отыскиваем знакомые названия, посвящения, строки, образы, забывая, что автор составлял её, соотносясь с неким внутренним замыслом, создавая единое, цельное и законченное произведение искусства.

Бывает, правда, и хуже: неискушенный автор, издавая свою новую книжку стихов, не затрудняет себя тем, чтобы создать нечто внутренне связанное, а потому получается набор стихотворений, выстроенных в хронологическом порядке, а то и просто по алфавиту.

В хлебные для поэтов советские времена, разрешалось в новую книгу стихов ставить до 30% старых, уже публиковавшихся текстов. Зачем? А для того, чтобы легче было выстроить внутреннюю сюжетную линию нового стихотворного сборника. Ведь, как правило, от чьей-то новой книги стихов остается в памяти несколько стихотворений, запавших в душу, а целиком книга – редко. Из таких поэтических книг, составляющих единое целое, у меня в памяти остались лишь «Всадники» Сосноры, да «Уроки музыки» Ахмадулиной, да «Ветром и пеплом» Чухонцева – как цельный литературный текст, имею в виду.

Я трижды открывал новый сборник стихов Елизаветы Емельяновой-Сенчиной «Кобальт», прочитывал два, три, четыре стихотворения, наткнулся на чудную метафору и, тормозил, пытаюсь её зафиксировать или осмыслить. Только после этого я понял, что эту книгу надо читать как цельный текст.

Более ста стихотворений, разбитых на шесть глав или разделов, – они не равноценны ни по качеству, ни по объемам. Любовная лирика и гражданская, философская и православная, политическая и сатирическая – автор не ограничивает себя в выборе тем, его волнует всё, он ставит перед собой вопросы и сам же отвечает на них, потому что владеет всем арсеналом русского стихосложения, если можно так выразиться.

Я читал книгу с карандашом и мог бы сейчас проиллюстрировать стихами из нее каждое из направлений русской лирической поэзии – эпических стихотворений в книге фактически нет. Не буду этого делать:

препарировать поэзию дело неблагодарное, да и не благородное. Однако как человека не чуждого виршесложению меня постоянно преследовали профессиональная зависть и профессиональное любопытство. «Два смелых карася в прозрачный водоём...», «А вечер добр и усат всё гладит по спине...» – читая книгу, я раз за разом наталкивался на образы и метафоры, про которые думал: «Да это же моё!», «И почему я раньше этого не нашёл?».

«Я у эпохи дочь» – говорит Лиза в одном из стихотворений, и это напомнило мне строчку из написанного мной десять лет назад – «наверняка – я пасынок эпохи»...

После прочтения книги «Кобальт» у меня создалось впечатление, что автор находится в постоянном состоянии восторженной влюбленности: в погоду и в природу, в детей и в зверей. А для меня в современной русской литературе возникла ещё одна фигура, о которой я буду постоянно помнить, – Елизавета Емельянова-Сенчина.

И после прочтения книги афоризм Ван Гога, поставленный в качестве эпиграфа к одной из глав, – «Тому, кто хочет стать художником, нужна любовь!» – захотелось инвертировать и отнести к автору.

Тот, кто любит, – может стать художником.

Владимир РЕШЕТНИКОВ. ВЯЗЬ

Н. Новгород: «Книги», 2016

Где-то я уже сталкивался с рассуждениями о том, что чтение книги лирических стихов чаще состоит не из обращений поэта к читателю, а происходит в форме поиска читателем в тексте возможности сопереживания и даже попыткой возбудить или возродить в себе чувства и эмоции некогда волновавшие его. А бывает, что читатель ищет в одной и той же любимой его книге или у любимого своего автора ответы на новые, вдруг возникшие вопросы. Хотя такая позиция в случае моего интереса к книге Владимира Решетникова «Вязь» и не совсем точная: я знаю автора уже много лет и все вопросы, которые хотел бы ему задать, уже задал и ответы получил. И тем не менее.

После прочтения книги «Вязь» осталось ощущение, будто встретил я на улице приятеля, давно знакомого, но немного подзабытого, и разговорился с ним, честно поговорил: не скрывая ни радости, ни обиды, делаясь и болью за Родину, и удачами в личной жизни. И острое словечко, возможно даже матерное, раз пришлось его прятать в тексте за точками, – не от бедности словаря, а от избытка эмоций, от искренности. Потому, что привык он (автор) так выражать свои чувства и мысли.

Мне не раз приходилось слышать в адрес автора упреки в эпигонстве, да и сам он не скрывает своих симпатий к Есенину и Рубцову, и я думаю, что многие поэты были бы счастливы, когда бы их сравнили с такими литературными величинами. Мне кажется, что ни подражательства, ни заимствования не предосудительны, когда они становятся локомотивом прекрасных открытий.

Кто упрекнёт Пушкина в заимствовании первой строчки «Евгения Онегина» у Крылова, если создан «Евгений Онегин»?

Потому, читая стихи из книги «Вязь», многие из которых мне давно знакомы (книга анонсируется, как избранное), я слышал музыку, кото-

рую всегда слышу, читая Есенина и Рубцова. И это меня не корбило и не раздражало, а радовало

Вот эти у меня ассоциировались с «есенинскими настроениями»:

Сторона моя глухая,
Хлябь заброшенных дорог...

Или:

...На берёзы смотрел белоногие
На родные, от дождика мокрые.

Или:

Ты поднесешь меня к своим губам,
И захмелевши склонишься к другому.

Или:

Я про тебя живую
Другой скажу: была...

Или:

Снег тихонько хлопьями
Лег в округе всей,
Слышно даже хлопанье
Заячьих ушей.

Или:

А на деревьях одежды
Красным и желтым горят.

А вот для меня безусловно «рубцовская музыка»:

Топится по-черному
Банька у пруда,
Девушка точеная
Бегает туда.

Или:

Отражается в маленьком городе
Вся святая великая Русь.

Столь обильное цитирование связано с тем, что есть ещё у Решетникова одна серьёзная и большая тема, тема – гражданская, тема утраченной советской Родины. И если мои позиция, моё отношение к вопросу с авторскими схожи, то реализация их через стихотворные строки меня не удовлетворяют.

И у Есенина, и у Рубцова гражданская лирика присутствовала, они отдавали ей должное, они не стеснялись своей любви к своей стране,

и болезненно воспринимали перемены, происходящие в ней, и мы эти строки помним и при случае воспроизводим. А вот у Решетникова в книге «Вязь» стихи, связанные с гражданской темой, темой патриотизма, на мой взгляд, выглядят вымученными и засушенными.

Олег ЗАХАРОВ. ЕСТЬ ПОВОД

Н. Новгород: «Книги», 2016

Как мастер стихотворной пародии Олег Захаров давно уже известен и писателям и читателям. Неизменный и участник и организатор ежегодных всероссийских фестивалей «Русский смех», на сцене он смотрится так же замечательно и профессионально, как и на страницах своей очередной книжки.

Читая эту новую книгу поэта «Есть повод», я раз за разом сталкивался со знакомыми уже мне стихами и улыбался, и завидовал, ощущая свою беспомощность в этом трудном и далёком для меня жанре. Повод рекомендовать книгу читателям поэзии, ценителям весёлого, остроумного – есть!

И всё же главным для меня в книжке оказалось совсем другое. С самых моих молодых юношеских лет, привыкший учиться, я искал, находил и изучал книги, пособия, рекомендации, с советами по технике писательского ремесла. «Книга о русской рифме» Давида Самойлова или «Я читаю рассказ» Сергея Антонова так же, как и статьи Бориса Пастернака о точности литературного перевода и многие-многие другие откровения мастеров слова должны ложиться в фундамент техники начинающих литераторов.

То есть рекомендации, что надо делать и чего не надо делать, уже даны для начинающих работать во всех литературных жанрах. И лишь для такого лежащего на поверхности и всеми используемого упражнения, как литературная пародия, нет четких инструкций! Или они мне не известны? А ведь это жанр, в котором не попробовал себя редкий версификатор, известный и широко используемый со времен античных лириков и трагиков, предоставивший возможность защитить докторские диссертации сотням соискателей на всех континентах мира.

И вот Олег Владиславович почти половину объема своей книги «Есть повод», 70 страниц, посвящает школе, а точнее, заводит нас на свою творческую кухню, опубликовав статьи: «Как не надо писать пародии» и «Как не надо писать стихи». Думается, для многих начинающих (и не только) создателей поэтических текстов знакомство с этими статьями пародиста и юмориста Олега Захарова окажется полезным.

Перечислить все возможные поводы для литературной пародии, видимо, невозможно, хотя Захаров и попытался это сделать в своей книге. Хотя очевидно, что на прицеле у пародистов всегда находится или двусмысленность строчки, выдернутой из контекста, или литературная безграмотность, или явная неточность. Поэтому Олег Владиславович и говорит, что «сборник хороших пародий – это своего рода учебник русского языка, где в развлекательной форме разъясняются ошибки».

Автор сетует на то, что в последнее время деградировал институт редакторов и на свет всё чаще выходят очень слабые в отношении грамотности поэтические книги: денег на типографию хватает, а на редактора – нет! Такие книги – кусок хлеба для пародиста. И тут же Олег Владиславович объявляет пародиста санитаром поэтического леса.

Позволю себе не согласиться: после таких пародий, особенно написанных известным поэтом, этот безграмотный виршеслагатель только возгордится, ничего не поняв и ничему не научившись. Поэтому писать пародии на заведомо слабых и безграмотных авторов дело вредное, этим пародист оказывает им, возможно, даже медвежью услугу. Объект пародии чаще гордится вниманием к его текстам, чем обижается. По крайней мере, я очень радовался, когда много лет назад Евгений Нефёдов, выступая на праздничном концерте в ЦДЛ, читал пародии на мои стихи.

О.Р.